

Лян Сычжэ, поднимаясь, замер и посмотрел на экран. На экране была показана скромная комната в «Лазурной вечеринке», залитая полуденным солнцем. В кадре появился Лян Сычжэ десятилетней давности. Он только что умылся, его волосы были влажными, на лице блестели капли воды. Он чувствовал себя неловко перед камерой, отворачивался, стараясь не смотреть в объектив:

— Зачем ты взял камеру?

— Скоро пробы. Хочу, чтобы ты привык к камере... Не отворачивайся, скажи что-нибудь.

Они немного поговорили, а потом Лян Сычжэ наклонился и взял камеру из рук Цао Е. Объектив повернулся к Цао Е. На его лице тоже блестели капли воды. Волосы, освещенные солнцем, казались мягкими и пушистыми, каштанового цвета. На его лице играла улыбка, он выглядел живым и подвижным. Он приблизился к камере и, прищурив один глаз, спросил:

— Ну как? Я хорошо получаюсь?

Он говорил улыбаясь, его глаза изгибались красивыми дугами, а янтарные радужки светились влажным блеском. Часовое видео запечатлело их жизнь на улице Иньсы. Лян Сычжэ и не подозревал, что Цао Е тогда снял так много — Цезаря, сяо Бай, фруктовую лавку напротив, лапшичную «Лао Ду» и даже видеосалон сяо Кэ. А кроме того, там был он сам, Лян Сычжэ.

Лян Сычжэ выходящий утром из ванной с мокрыми волосами.

Лян Сычжэ сидящий на кровати и собирающий волосы черной резинкой.

Лян Сычжэ входящий с завтраком в руках.

Лян Сычжэ сидевший, поджав ноги, на подушке и читающий сценарий.

Лян Сычжэ неумело перебирающий струны гитары.

Лян Сычжэ наклонившийся, чтобы покормить сяо Бай сосиской.

На видео, снятом на Иньсы, где они проводили время вместе, был только Лян Сычжэ. Цао Е оставался за кадром, лишь время от времени раздавался его голос :

— Доброе утро, Лян Сычжэ! Ты опять встал раньше меня...

— Давай сегодня отрепетируем текст? Я буду Пэн Янь... Почему я не могу быть Пэн Янь?!

— У сяо Бай опять вырос живот. Интересно, на кого будут похожи щенки, на сяо Бай или на Цезаря?

— Ты всё ещё боишься камеры?.. Не бойся. Просто представь, что тебя снимаю я.

В конце видео Цао Е наконец появился в кадре. Он сидел на диване, вытянув длинные ноги. Лян Сычжэ сразу понял, что это уже не тот Цао Е, что был на Иньсы. Он был ещё подростком, но уже в школьной форме и выглядел старше. Он серьёзно смотрел в камеру и помахал рукой:

— Привет, Лян Сычжэ! Сейчас утро, один из мартовских дней. Дядя Инь сказал, что вы уже отсняли больше половины фильма. Так медленно... Когда же я увижу фильм с тобой? Дядя Инь сказал, что ты отлично играешь, у тебя талант... — на этом месте он запнулся, помолчал пару секунд, потом провёл руками по волосам, и снова стал похож на того Цао Е с Иньсы. — А, я забыл слова!... Ладно, заученный текст звучит как-то неловко... Буду говорить, что в голову придёт.

— Так, о чём я хотел сказать... С днём рождения, Лян Сычжэ, тебе 19! После возвращения с Иньсы я подружился с несколькими ребятами, но они не такие классные, как ты. Я очень скучаю, Сычжэ-гэгэ... Может, после «Тринадцати дней» ты поступишь в университет вместе со мной? На актёрский... Хм, или ты продолжишь сниматься? Как хочешь... В любом случае, я думаю, ты обязательно получишь награду за лучшую мужскую роль. В тот день я позову всех своих друзей, чтобы они тебя поддержали. А после церемонии награждения я могу прийти на твой банкет? Конечно же, могу, правда? Ты же будешь лучшим актёром, тебе решать, кого приглашать на банкет.

— Что я несу... Ладно, поговорим, когда увидимся, — к этому моменту волосы Цао Е были совсем растрёпаны. Он наклонился, присел перед камерой, и его глаза снова засияли улыбкой. — Сычжэ-гэгэ, желаю тебе доброго утра, доброго дня и доброй ночи.

Экран потемнел, появилось название — «Иньсы».

Цао Е сидел рядом и наблюдал за реакцией Лян Сычжэ. Тот не отрывал взгляда от экрана, и казалось, был полностью поглощён происходящим. Его кадык иногда двигался вверх-вниз, и Цао Е знал что он взволнован. Лян Сычжэ привык скрывать свои эмоции, но Цао Е всё равно замечал их по дрожащим ресницам, движению кадыка и выступающим на руках венам.

Когда в кадре появился он сам и начал говорить, Цао Е стало неловко смотреть на Лян Сычжэ. Он чувствовал себя глупо, каждое слово и движение казались ему сейчас ужасно наивными. Он прикрыл лоб рукой, не глядя ни на экран, ни на Лян Сычжэ, но всё равно слышал, как тот смеётся рядом — иногда тихонько, иногда низким смешком в нос. А когда Цао Е начал говорить всякую ерунду, Лян Сычжэ рассмеялся в голос.

Когда видео закончилось, Цао Е всё ещё было неловко. Он все еще сидел, прикрыв лоб рукой. Он почувствовал, как Лян Сычжэ повернулся к нему и посмотрел на него так же пристально, как только что смотрел на экран.

— Глупо получилось, правда? — Цао Е опустил руку. — Я тогда...

— Цао Е, какой же ты милый, — не дав ему договорить, сказал Лян Сычжэ с улыбкой. Он наклонился и поцеловал Цао Е. Его ладонь легла на затылок, их дыхание смешалось, наполненное пылкими чувствами. Страсть вот-вот должна была вспыхнуть, но Цао Е взял себя в руки:

— Подожди, Лян Сычжэ...

— М? — Лян Сычжэ легонько коснулся пальцем кадыка Цао Е. — Здесь нет камер? — прошептал он ему на ухо. — Сегодня вечером ты можешь...

— Но... — Цао Е колебался. Но... он ещё не поздравил Лян Сычжэ с днём рождения!

— О... — Лян Сычжэ быстро понял и улыбнулся. — У тебя другие планы?

— Да, — Цао Е потёр лоб. — Это... твой девятнадцатый день рождения. Я хотел тогда поздравить тебя, но не получилось. Лян Сычжэ, — он посмотрел Лян Сычжэ в глаза, — с днём рождения!

— Спасибо, — сказал Лян Сычжэ. Он снова стал тем девятнадцатилетним Лян Сычжэ и посмотрел на семнадцатилетнего Цао Е. — А чем ты занимался весь этот год?

Цао Е на мгновение замер, а потом подыграл:

— Я учился монтировать видео и сделал документальный фильм из наших записей на Иньсы. Сычжэ-гэгэ, ты скучал по мне в этом году?

— Да, — Лян Сычжэ, глядя ему в глаза, улыбнулся. — Очень.

Цао Е встал, поправил одежду и потянул Лян Сычжэ на третий этаж «Утопии», в съёмочный павильон. Он быстро поднимался по лестнице, как десять лет назад в «Лазурной вечеринке»:

— Лян Сычжэ, иди медленнее. Я пойду первым.

— Хорошо, — ответил Лян Сычжэ, глядя на него снизу вверх.

— Чем медленнее, тем лучше... — бросил Цао Е, убегая наверх.

Лян Сычжэ догадался, что ему нужно время на подготовку. Он медленно поднялся на второй этаж. Из комнаты монтажа выглядывали несколько человек съёмочной группы «Мандалы».

Они видели, как Цао Е поднимался по лестнице, а потом увидели Лян Сычжэ. Кто-то хотел закричать, но другой быстро зажал ему рот рукой. Лян Сычжэ улыбнулся им и продолжил подниматься по лестнице. Он открыл железную дверь студии.

В огромном пустом помещении горели несколько тёплых жёлтых ламп. Цао Е сидел на высоком стуле со скрипкой на плече, держа смычок у струн. Когда Лян Сычжэ появился в дверях, Цао Е провёл смычком по струнам, и раздалась нежная мелодия скрипки. Эта мелодия была глубоко запрятана в памяти Лян Сычжэ. Как только он услышал её, он вспомнил, что много лет назад он насвистывал её Цао Е на Иньсы. Лян Сычжэ подошёл ближе. Он видел, как при движении смычка слегка колышутся волосы Цао Е. Он остановился перед ним, глядя на своего парня.

Когда мелодия закончилась, Цао Е опустил смычок. Он спрыгнул со стула и, словно смущаясь, сказал, а его глаза ярко блестели в свете ламп:

— Я подобрал мелодию по памяти, может быть, где-то ошибся, — он протянул скрипку Лян Сычжэ. — Лян Сычжэ, с семнадцатым днём рождения.

Лян Сычжэ взял скрипку и посмотрел на неё. Тёмно-красный лак немного выцвел, она выглядела не так, как десять лет назад, но он всё равно сразу узнал свою скрипку. Тогда он каждый день носил её в школу и обратно, брал её на репетиции, выступления и конкурсы. После того случая, когда он узнал, что больше не сможет играть, он в отчаянии разбил её. Он до сих пор помнил этот момент — как он ударил грифом об пол, и тот со стуком сломался. А теперь Цао Е починил её. Если не присматриваться, даже не было видно следов ремонта. Он не ожидал, что Цао Е вспомнит о его семнадцатом дне рождения. Он уже не помнил, что делал в тот день. Тогда он потерял родителей, остался совсем один, не мог больше играть на скрипке и в отчаянии переживал самый тяжёлый период своей жизни.

— Лян Сычжэ, не грусти, — сказал Цао Е, стоя перед ним. Ему было больно видеть покрасневшие глаза Лян Сычжэ. — Ты будешь сниматься в кино, получишь награду, станешь очень известным...

— И встретишь мальчика по имени Цао Е, — закончил Лян Сычжэ. Он поднял скрипку к плечу и приложил смычок к струнам. Это движение было одновременно и знакомым и чужим. Десять лет назад он бесчисленное количество раз поднимал скрипку к плечу. — Я давно не играл, забыл много мелодий. — Нужно было двигаться дальше. — Но одну мелодию я помню очень хорошо, — продолжил Лян Сычжэ.

Он поставил пальцы левой руки, той самой, травмированной руки, на струны, провёл смычком, держа его в правой руке, и зазвучала музыка. Он вспомнил чистый и звонкий голос юноши и, глядя на Цао Е, низким голосом запел:

— Up above the world so high,

Like a diamond in the sky.

Высоко ты надо мной,

Как алмаз во тьме ночной.

— Этому тебя научил я, — сказал Цао Е. Он смотрел на Лян Сычжэ. Тот, слегка наклонив голову, играл на скрипке, и казалось, что он светится. Цао Е не мог отвести от него глаз.

— Угу, — Лян Сычжэ опустил скрипку и осмотрел её. — Как ты её достал?

— Сначала я должен признаться... — Цао Е не хотел портить момент, но должен был это сказать. Он провёл рукой по волосам. — Чтобы достать эту скрипку, я... взломал замок твоей двери... — Он посмотрел на Лян Сычжэ, боясь, что тот рассердится, и быстро добавил: — Но не волнуйся, я потом поставил новый замок...

— Ну и ладно, — Лян Сычжэ рассмеялся и мягко сказал. — До тех пор пока ты счастлив, неважно снесёшь ты этот дом или нет.

— Я не буду сносить дом, — тихо возразил Цао Е.

Лян Сычжэ смотрел на него. Он думал о том, что в семнадцать лет с ним случилось большое несчастье, но он и представить себе не мог, какое большое счастье ждёт его впереди.

— Он идёт сюда, — вдруг сказал Цао Е, глядя вниз.

Лян Сычжэ тоже посмотрел вниз. Маленький щенок тёрся о его штанину. Он осторожно наклонился и взял его на руки. Это был крошечный хаски.

— Похож на Цезаря? — Цао Е легонько погладил щенка по голове.

— Похож, — улыбнулся Лян Сычжэ. — Значит, его зовут сяо Цезарь?

— Какой ты умный! — сказал Цао Е, а потом тихо добавил. — С двадцать восьмым днём рождения, Лян Сычжэ! Давай вырастим его вместе, хорошо?

— Хорошо, — ответил Лян Сычжэ.

— И ещё, — Цао Е достал из-за спины спрятанный договор с прикрепленной ручкой. — Господин Лян Сычжэ, господин Цао Е приглашает вас стать совладельцем Luomeng. Если вы согласны, подпишите здесь.

Это был договор о передаче доли в Luomeng. Цао Е отдавал Лян Сычжэ половину своей доли.

Лян Сычжэ понимал, что этот договор означает, что он будет делить с Цао Е всё, что связано с Luomeng. Даже ему самому казалось, что это слишком рискованно для Цао Е.

— Подписывай, — поторопил Цао Е, видя, что он не спешит брать ручку. Он почему-то нервничал и, чтобы разрядить обстановку, сказал: — Ты боишься, что Luomeng обанкротится? Не волнуйся...

Лян Сычжэ посмотрел на Цао Е:

— Цао Е, я думаю, тебе не нужно так стараться, чтобы дать мне чувство безопасности. Впереди ещё долгий путь, отношения со мной могут быть сложными...

— Впереди ещё долгий путь, — перебил его Цао Е. — Так ты не хочешь пройти его вместе со мной, Лян Сычжэ? Перестань считать меня ребёнком. Я уже не тот Цао Е, что десять лет назад. Мне не нужно прятаться за твоей спиной и ждать, пока ты меня защитишь. Лян Сычжэ, я могу стоять рядом с тобой и вместе с тобой встречать любые трудности.

— Тебя будут снимать, ты потеряешь свободу, окажешься в центре скандала. Тебя это не пугает?

— Меня это не волнует, — ответил Цао Е. — Это ты рискуешь, понимаешь? Но я уже всё решил. Если что-то случится, мы уедем за границу. Ты же получил награду в Каннах, ты и там сможешь найти хорошие роли. В крайнем случае, снова поработаешь с Цао Сююанем, ему точно всё равно, что там говорят. А я буду постоянно крутиться перед ним, чтобы его позлить.

Лян Сычжэ рассмеялся. Он держал договор в руках и смотрел на Цао Е. Он подумал, что Цао Е прав. Он подсознательно продолжал считать его тем избалованным юнцом и не замечал, что Цао Е рос так же быстро, как и он сам. Он уже не был тем молодым господином, ему была не нужна чрезмерная опека Лян Сычжэ. Они смогут вместе противостоять любым бурям. Он перелистнул договор на последнюю страницу и пошутил:

— Я стану хозяйкой Luomeng... А может, лучше хозяином?

— Эй... Ты хочешь отобрать у благодетеля место отца? Что за неблагодарность?

— Я помог ему обрести сына, это скорее благодарность... — Лян Сычжэ с улыбкой подписал договор, поставив свою подпись под подписью Цао Е, и протянул ему. — Ну, сяо Е, назови меня папочкой.

— Не наглай!

Вечером они поехали домой вместе с сяо Цезарем. Лян Сычжэ был за рулём, а Цао Е всё ещё был перевозбуждён и не мог успокоиться. Они обсудили, как будут вести себя с прессой, и

легко пришли к согласию — не стоит специально скрываться, можно, как и раньше, встречаться тайно, пусть пресса и публика строят свои догадки. Но несмотря на это, Цао Е не мог сдержать своих чувств. В групповом чате были все его друзья детства. Он сказал Лян Сычжэ и написал в чат:

«Вы тут? У меня важное объявление».

«Говори, — ответил Да Бай. — Что за важное дело?»

Цао Е торжественно напечатал: «Мы с Лян Сычжэ вместе», — он ещё раз перечитал сообщение, убедившись, что нет ошибок, и нажал «отправить». Взволнованный и немного встревоженный, он ждал ответа и поздравлений. Но чат не взорвался восторженными сообщениями, как он ожидал.

«А, это ты об этом, — написал Да Бай. — Вы двое единственные во всем мире только что узнали это?»

Цао Е опешил.

Через несколько секунд кто-то ответил: «Мне интереснее, когда вы начали встречаться».

Цао Е: «На День образования КНР».

Да Бай: «...Так поздно? То есть, раньше вы не были вместе?»

Фан Исян: «Зачем вообще это было объявлять... Вы двое единственные во всем мире только что узнали это?»

Хэ Фанвэнь: «На День образования? Не слишком ли вы медлительны? Не могу поверить, что вы заметили это только сейчас».

Чи Минъяо: «О, я думал, вы расставались и снова сходились уже пару сотен раз».

Цао Е не знал что на это ответить.

Чуть позже Линь Янь тоже написал: «Так кто сверху, а кто снизу?»

В чате внезапно началось оживление, которого так ждал Цао Е.

Да Бай: «Ха-ха-ха, мне тоже это интересно».

Чи Минъяо: «И так понятно».

Да Бай: «Чи Минъяо, как думаешь, кто сверху? Спорим? Ставлю на Лян Сычжэ».

Чи Минъяо: «Лян Сычжэ +1».

Хэ Фанвэнь: «Лян Сычжэ +1».

Линь Янь: «Лян Сычжэ +1».

Фан Исян: «Лян Сычжэ +1».

Цао Е: «Отвалите».

Автор сообщает, что этой ночью Цао Е был сверху.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130332>